

оригинальная статья

eLibrary EDN: GEKZWV

Обновление китайского права: эндогенная инновация и рецепция

Курышев Евгений Юрьевич

Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации,

Россия, Саратов

eLibrary Author SPIN: 4475-9824

<https://orcid.org/0009-0006-0743-8912>

Kurisheff.ewg@yandex.ru

Аннотация: Предметом исследования выступает эволюция правовой системы Китая с древнейших времен до современности, включая ключевые инновации, заимствования и их взаимодействие с традиционными нормами. Цель – выявить закономерности трансформации китайского права, а также определить роль культурных, политических и внешних факторов в формировании его уникальной гибридной модели. Методы исследования: историко-правовой (изучение кодексов, указов и правовых доктрин разных эпох); сравнительно-правовой (сопоставление китайских и зарубежных правовых институтов); системный подход (оценка взаимосвязи права с экономическими и социальными процессами). В результате установлено, что китайское право прошло путь от конфуцианско-легистского синтеза (баланс морали и жестких норм) до «социализма с китайской спецификой», сочетающего авторитаризм, рыночные механизмы и цифровые технологии. Инновации внедрялись через заимствования, но адаптировались под местные реалии, сохраняя преемственность традиций. Современная правовая система Китайской Народной Республики демонстрирует двойственность: формальная либерализация экономического права соседствует с усилением контроля над обществом через законы о национальной безопасности и систему социального кредита. Опыт Китая подтверждает, что обновление права возможно без полного отказа от культурной идентичности, но требует жесткого политического управления.

Ключевые слова: эволюция права, конфуцианство, легизм, Гоминьдановский кодекс, цифровизация, социальный кредит, инновации в праве, рецепция, эндогенная инновация права, традиция и модернизация, Китайская Народная Республика

Цитирование: Курышев Е. Ю. Обновление китайского права: эндогенная инновация и рецепция. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2026. Т. 10. № 1. С. 172–178. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-1-172-178>

Поступила в редакцию 29.09.2025. Принята после рецензирования 07.11.2025. Принята в печать 10.11.2025.

original article

History of Chinese Law: Endogenous Innovation and Reception

Evgeniy Yu. Kuryshev

Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of National Guard Forces of the Russian Federation, Russia, Saratov

eLibrary Author SPIN: 4475-9824

<https://orcid.org/0009-0006-0743-8912>

Kurisheff.ewg@yandex.ru

Abstract: The article traces the evolution of the legal system in China from ancient times to the present, with a focus on the effect of innovations and borrowings on traditional norms. The author identified the transformation patterns to determine those cultural, political, and external factors that shaped the unique hybrid model of Chinese legal system. The historical and legal method was applied to historical codes, decrees, and legal doctrines. The comparative legal method made it possible to compare and contrast Chinese legal institutions with foreign ones. The systematic approach highlighted the correlation between law, economy, and social processes. Chinese law started as a Confucian-Legalist synthesis, where morality was balanced with strict norms. Later, it was modified by Chinese socialism, which combines authoritarianism with market mechanisms and digital technologies. Innovations entered the system as borrowings but were always adapted to local realities to maintain the cultural continuity. The current legal system of the People's Republic of China

is dual as it binds the formal liberalization of the economic law with strict control over society through national security laws and the social credit system. In China, the legal system managed to develop without abandoning cultural identity because its evolution proceeded under strict political control.

Keywords: evolution of law, Confucianism, Legalism, Kuomintang Code, digitalization, social credit, innovations in law, reception, endogenous innovation of law, traditions vs. modernization, People's Republic of China

Citation: Kuryshev E. Yu. History of Chinese Law: Endogenous Innovation and Reception. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2026, 10(1): 172–178. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2026-10-1-172-178>

Received 29 Sep 2025. Accepted after review 7 Nov 2025. Accepted for publication 10 Nov 2025.

Введение

Правовая система Китая (одна из древнейших в мире) представляет собой уникальный пример синтеза традиционных норм, заимствований и радикальных инноваций. Ее эволюция, охватывающая более трех тысячелетий, отражает не только внутренние социально-политические трансформации, но и взаимодействие с внешними культурными и правовыми моделями – от конфуцианско-легистского наследия до западного права и цифровых технологий. Правовая система Китая демонстрирует уникальный симбиоз эндогенных инноваций и рецепции иностранного права. Этот синтез стал ключевым механизмом ее приспособления к вызовам разных эпох – от имперской централизации до цифровой глобализации. Эндогенные инновации, укорененные в традициях философско-правовых доктрин (конфуцианство, легизм), обеспечивали преемственность норм, тогда как рецепция позволяла заимствовать и трансформировать иностранные правовые модели, сохраняя культурную идентичность. Изучение этого взаимодействия критически важно для понимания эволюции китайского права, особенно в контексте его растущего влияния на глобальные правовые тренды. Несмотря на обширные исследования китайского права, его историческая преемственность и роль в формировании современной гибридной модели «социализма с китайской спецификой» остаются предметом дискуссий. Данная статья призвана восполнить этот пробел, предложив комплексный анализ ключевых этапов развития китайского права и механизмов адаптации инноваций.

Цель исследования – выявить закономерности трансформации китайского права, а также определить роль культурных, политических и внешних факторов в формировании его уникальной гибридной модели.

Результаты

Китайское право прошло сложную эволюцию от древних традиций до современной системы. В древний период (около 1600 г. до н. э. – 221 г. до н. э.) китайское право формировалось преимущественно

эндогенно, без существенного влияния внешних правовых систем. Его развитие определяли внутренние философские, религиозные и социальные факторы. Источниками влияния на формирование правовых отношений выступали ритуалы и культ предков. Нормы базировались на сакральных практиках династий Шан-Инь и Чжоу [1]. Ритуалы регулировали отношения между людьми, духами и правителем, формируя основу социального порядка. В эпоху Шан законотворчество связывали с волей духов, которую расшифровывали через гадания на костях (цзягувэнь). Это создавало сакральную легитимность правил. Несмотря на то что конфуцианство оформилось позже, его истоки уходят в чжоуские идеи гармонии, иерархии и морального долга. Конфуций (VI–V вв. до н. э.) подчеркивал роль этики [2], а не формальных законов, что повлияло на позднейшее право. В период сражающихся царств (V–III вв. до н. э.) легисты (Шан Ян, Хань Фэй) предложили систему жестких законов (фа) [3] и наказаний, что стало основой имперского права при Цинь.

Необходимо отметить, что китайская цивилизация развивалась в относительной изоляции из-за гор, пустынь и морей. Контакты с соседями (кочевники, племена юга) не предполагали заимствования правовых моделей, т. к. те не имели развитых систем письменного права. Взаимодействие с кочевыми народами (сюнну или хунну [4]) влияло на военное и административное устройство, но не на правовые принципы, которые оставались привязаны к китайской традиции.

Заимствование (рецепция) правовых элементов из других правовых систем (Месопотамия, Индия, Египет) в целом отсутствовало. Эти цивилизации имели развитые правовые традиции (например, Законы Хаммурапи), но из-за расстояния и непрямых контактов их влияние на древний Китай оставалось ограниченным. Культурные контакты с государствами и народностями Шелкового пути в древний период не были развиты, т. к. его расцвет пришелся к II в. до н. э. (при Хань), т. е. после древнего периода.

Таким образом, в древний период китайское право развивалось как уникальная система, основанная на:

- ритуалах и религиозных практиках;
- философских учениях (конфуцианство, легизм);
- потребностях централизации власти.

Внешние правовые системы не оказали на него прямого влияния, т.к. Китай создавал собственную правовую культуру, которая позже сама стала образцом для соседних государств (Корея, Япония, Вьетнам).

Имперский период (221 г. до н.э. – 1912 г. н.э.) предоставляет исследователю инновационных изменений обширный фактологический материал. Дадим краткую характеристику обновления права в период царствования династий и попытаемся научно обосновать эндогенные процессы и рецепирование норм права из других правовых систем.

Цинь (221–206 гг. до н.э.). В этот период происходит унификация права. Император Цинь Шихуанди, скорее всего, хорошо знал китайскую философию, а личный опыт управления государством через две категории чиновников мотивировал его к созданию единой системы законодательства и изданию строгих законов (фа) с акцентом на наказания [5]. В его действиях просматривается эндогенная инновация права, а в качестве источника эндогенности выступает идеология легизма как философская доктрина и идеологическая система.

Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.). Государи этой династии пытались смягчить жестокости предыдущей династии. Развитие права происходит в форме эндогенной инновации на основе синтеза легистских, конфуцианских, даосистских доктрин Китая. Добродетельное (ли) поддерживает традиции, а закон (фа) изменяет, развивает и обновляет закостенелое, застывшее прошлое [5].

Тан (618–907 гг. н.э.). Танский кодекс [6] стал основой для формирования систем соседних государств, развития уголовного права Китая, создания принципов юридической ответственности, внедрения системы классификации преступлений. К инновационным элементам Танского кодекса многие исследователи относят:

- учет смягчающих обстоятельств;
- разграничение ролей участников преступления;
- систему откупов (замену наказания выплатой меди);
- детальную классификацию правонарушений.

Необходимо отметить, что Танский кодекс продемонстрировал высокий уровень правовой мысли своего времени и заложил фундамент для дальнейшего развития законодательства в Восточной Азии. Танский кодекс – продукт эндогенной инновации китайского права, унаследовавший принципы от династий Цинь, Хань и Суй. Внешние влияния (буддизм, контакты с кочевниками) не затронули его

структуру, но могли косвенно повлиять на отдельные гуманистические элементы. Его уникальность – в синтезе легистской строгости и конфуцианской этики, что сделало его эталоном для Кореи, Японии и Вьетнама. Его принципы и подходы сохраняли актуальность на протяжении многих столетий.

Сун (960–1279 гг.). Правовая система династии Сун стала ответом на бурный экономический рост, урбанизацию и коммерциализацию общества. В отличие от предыдущих эпох, где доминировало уголовное право, при Сунах произошла институционализация гражданско-правовых отношений, особенно в сфере торговли, собственности и договоров. Предпосылками правовых изменений выступили:

- экономический бум (рост городов и населения; расцвет ремесел; активное использование бумажных денег и векселей);
- социальные сдвиги (усиление роли купечества и ремесленных гильдий; усложнение имущественных отношений, в том числе развитие арендных отношений, кредитование).

В результате этих социально-экономических процессов происходит эволюционное обновление гражданского права. Появляется обязательная письменная форма для сделок с недвижимостью. В земельных арендных отношениях устанавливается фиксация сроков, условий оплаты и прав арендатора. Развиваются залоговые соглашения и трудовые контракты (найм работников с указанием обязанностей и вознаграждения). В этот же период развивается нотариальное заверение сделок, проводятся земельные реформы (легализация купли-продажи земли).

В наследственном праве вкрапляются инновационные правовые конструкции:

- равное деление имущества между сыновьями;
- доленое наследование для дочерей в случае отсутствия мужских наследников;
- возможность распределения имущества по воле усопшего, но с учетом интересов семьи.

Инновационно развиваются:

- налоговая система (например, торговые пошлины «шибо» взимались на заставах и рынках; введен налог на прибыль для крупных купцов) [7];
- процессуальное право (специальные чиновники рассматривали конфликты между купцами; использовался арбитраж и медиация через гильдии).

Необходимо отметить рост инноваций в правовой практике. Например, «Сунский уголовный кодекс» включал разделы о торговых правонарушениях [8], а указы императоров (шэнчжи) [9] дополняли законы в ответ на новые вызовы и правовые проблемы. Сборники судебных решений (например, «Цинмин цзи») использовались как руководство для чиновников.

В конечном итоге инновации в системе китайского права, правоприменении повлияли на рост правовой грамотности (появились профессиональные писцы, помогавшие составлять договоры; получили распространение юридические справочники для населения). Эпоха Сун стала переломным этапом в истории китайского права, где гражданские и торговые отношения впервые получили детальную правовую регламентацию. Это создало основу для рыночной экономики, но сохранило жесткий государственный контроль. Многие инновационные правовые элементы (письменные договоры, арбитраж, защита собственности) предвосхитили элементы современного коммерческого права.

Инновации в праве эпохи Сун были преимущественно внутренним ответом на экономические вызовы. Внешние влияния носили косвенный характер и касались:

- практик ведения международной торговли (векселя, партнерства);
- технических аспектов (учет, транспортировка);
- этических норм, усиленных межкультурными контактами.

Таким образом, правовая система Сун оставалась уникальным синтезом конфуцианской морали, легистской строгости и прагматизма растущей рыночной экономики, что сделало ее эталоном для последующих династий.

Мин (1368–1644 гг.). Несмотря на политику изоляционизма династии Мин, ее правовая система сохранила косвенное влияние монгольского периода Юань и элементы межкультурного обмена, хотя основой остались конфуцианско-легистские традиции. Например, «Законы Великой династии Мин» [10] оставались преимущественно китайским сводом законов по следующим причинам: конфуцианская основа (90 % статей касались уголовного и административного права, регулируя иерархию, ритуалы и семейные отношения в рамках конфуцианской этики); реставрация Танских образцов (Минские законы сознательно копировали структуру Танского кодекса («пять наказаний», «десять зол»); изоляционизм (после экспедиций Чжэн Хэ (1405–1433 гг.) династия ограничила контакты с внешним миром, что минимизировало заимствования).

Правовая система династии Мин демонстрирует минимальное прямое заимствование иностранных норм, но включает косвенные влияния через наследие Юань в административном управлении; адаптацию военных и торговых практик, связанных с иностранными технологиями; локальные исключения для этнических и религиозных меньшинств. «Законы Великой династии Мин» закрепили статус Китая как самодостаточной правовой цивилизации, где внешние элементы растворялись в доминирующей конфуцианско-легистской парадигме.

Цин (1644–1912 гг.). Династия Цин, основанная маньчжурами, изначально сохраняла традиционную китайскую правовую модель, унаследованную от Мин [11]. Однако к концу XIX в. под давлением западных держав и внутренних кризисов начались попытки модернизации, заимствовавшей элементы европейского и японского права. Этот процесс остался незавершенным из-за падения империи, но заложил основы для будущих реформ.

Ключевыми заимствованиями (рецепция) из западного права в этот период явились:

- в уголовном праве: отказ от коллективной ответственности семьи преступника; введение понятия *умысел* и *неосторожность*;
- в гражданском праве: разработка гражданского кодекса (не завершен), признававшего частную собственность и договорную свободу;
- в международном праве: попытки освоить европейские нормы дипломатии и суверенитета для отмены неравноправных договоров.

В конечном итоге правовая система Цин так и не стала полноценно «современной». Однако реформы конца XIX – начала XX в. заложили основу для кодексов Китайской Республики, продемонстрировали кризис традиционной модели под давлением глобализации, стали первым опытом синтеза китайских и западных правовых принципов, продолжившимся в XX в.

Республиканский период (1912–1949 гг.). После Синьхайской революции (1911 г.) [12] Китайская Республика предприняла радикальные попытки модернизации права, опираясь на европейские (преимущественно германские и швейцарские) модели. Несмотря на ограниченную реализацию из-за войн и внутренних конфликтов, эти реформы заложили основу современного права Тайваня и стали важным этапом в переходе от традиционной конфуцианской системы к светскому законодательству.

Источниками заимствований являлись германское и швейцарское право. Гражданский кодекс Германии повлиял на структуру китайского кодекса [13], особенно в разделах о обязательственном праве и праве собственности. Например, принцип свободы договора, защита добросовестного приобретателя рецептированы в Гоминьдановском Гражданском кодексе (ст. 153 и 801 соответственно). Швейцарский Гражданский кодекс стал образцом для семейного и наследственного права (равенство супругов в браке; упрощенная процедура развода).

Особенностями рецепции европейского права в Китае являлось японское посредничество [14]. Япония, ранее перенявшая германские модели, служила «мостом» для Китая. Например, положения о корпоративном праве были адаптированы через японский Торговый кодекс 1899 г.

Республиканские реформы права стали первой попыткой синтеза китайской и западной правовых традиций. Несмотря на ограниченный успех, они создали правовую базу для экономики смешанного типа, продемонстрировали совместимость китайского общества с элементами индивидуализма и правового равенства, заложили основу будущих реформ в Гонконге, Тайване и Сингапуре.

Таким образом, инновации в праве республиканского периода Китая предопределили радикальный разрыв с традиционной конфуцианско-маньчжурской правовой системой. Под влиянием западных моделей (Германия, Швейцария, Япония) были введены принципиально новые правовые институты, хотя их реализация осталась частичной из-за политической нестабильности. Инновации в праве республиканского периода, во-первых, создали правовой каркас для современного государства, повлияв на Тайвань [15] и косвенно на реформы КНР после 1978 г. Во-вторых, впервые в истории Китая ввели принцип равенства перед законом, включая женщин и этнические меньшинства. В-третьих, заложили основу для рыночной экономики, отделив право от традиционной морали. Однако разрыв между законодательством и практикой, а также политические потрясения не позволили этим реформам стать полноценной правовой революцией.

Китайская Народная Республика (1949–2020-е гг.). Правовая система КНР прошла путь от радикального отрицания традиционного и «буржуазного» права до создания гибридной модели, сочетающей социалистическую идеологию, рыночные механизмы и цифровые технологии. Ключевые инновации в праве связаны с экономическими реформами, технологическим прогрессом и усилением роли государства.

Ранний период (1949–1978 гг.). Данный период характеризуется революционным развитием права, в частности:

- уничтожением старой системы (отмена Гоминьдановских кодексов (1950 г.); ликвидация частной собственности на землю и средства производства);
- становлением «Народного права» (законы заменялись декретами и директивами компартии; суды руководствовались «классовым подходом»: враги революции (помещики, капиталисты) не имели правовой защиты);
- развитием коллективизации (система хукоу (прописка) закрепила разделение на городское и сельское население, ограничив миграцию).

Реформы Дэн Сяопина (1978–1990-е гг.). Инновации в праве в эти годы выражались в форме рецепции. Конституция 1982 г. [16] закрепила «многоукладную экономику» при доминировании госсектора,

а также восстановила судебную систему, упраздненную в культурную революцию [17].

В «экономическое законодательство» рецептированы нормы, направленные на привлечение иностранных инвестиций (Закон о совместных предприятиях 1979 г.) [18]. Развивается защита интеллектуальной собственности (Патентное право 1984 г.) [19]. В уголовном законодательстве отменены «контрреволюционные преступления», введены санкции за экономические преступления (коррупция, мошенничество).

Современный этап (2000-е – 2020-е гг.): цифровизация и глобальное влияние. На сегодняшний день право КНР быстро обновляется [20; 21]. Обновление права осуществляется на основе современной цифровой эндогенности и рецепции эффективных элементов иностранных правовых систем. Первый в истории КНР единый гражданский кодекс регулирует договоры, собственность, брак и наследство. В кодексе закрепляется признание цифровых активов (виртуальная валюта) в качестве объекта права. Законом о кибербезопасности (2017 г.) [22] устанавливается контроль над данными, цензура контента. Законом о персональных данных (2021 г.) [23] определены жесткие правила сбора информации, обязательное хранение данных на серверах в Китае.

Необходимо особо отметить созданную и нормативно закреплённую систему социального кредита – системы оценки граждан и компаний, где нарушения законов (неоплаченный штраф) ведут к ограничениям в правах (покупка билетов, доступ к кредитам).

Инновационным изменениям подверглись международное право (инициатива «Пояс и путь» [24; 25]: создание транснациональных арбитражных судов для разрешения споров между китайскими и иностранными компаниями); уголовное право (ужесточение наказаний за коррупционные преступления).

Заключение

Инновации в современном праве Китайской Народной Республике отражают двойственную стратегию. С одной стороны, развивается экономическая либерализация – создание предсказуемой правовой среды для бизнеса, а с другой – политический авторитаризм – усиление контроля над обществом через цифровые технологии и репрессивные законы. Эта модель, несмотря на критику, демонстрирует эффективность в поддержании стабильности и экономического роста, становясь образцом для других авторитарных режимов. Современное китайское право – гибридная система, сочетающая социалистические принципы, рыночные реформы и цифровой контроль.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Кузьмин Н. А. Культ предков в древнем Китае (период Шан и Чжоу). *Общество и государство в Китае*. 2016. Т. 46. № 1. С. 384–389. [Kuzmin N. A. The cult of ancestors in ancient China: Shang and Zhou periods. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*, 2016, 46(1): 384–389. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vilqqf>
2. Мархель Е. Ю. Даосизм и конфуцианство как альтернативные пути развития древнекитайского общества. *Вестник Томского государственного университета*. 2014. № 384. С. 50–52. [Markhel E. Yu. Taoism and Confucianism alternative ways of development of ancient Chinese society. *Tomsk State University Journal*, 2014, (384): 50–52. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sioztf>
3. Ишкuvatова Л. М., Ткаченко А. В. Категории «Ли» и «Фа» в правовом поле традиционного Китая. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*. 2015. № 3. С. 20–23. [Ishkuvatova L. M., Tkachenko A. V. "Li" and "Fa" categories in traditional China legal boundaries. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 2015, (3): 20–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ugwcjrp>
4. Дашковский П. К. Религиозный аспект политической культуры и служители культа у кочевников Центральной Азии в хуннуско-сяньбийско-жужанский период. *Известия Алтайского государственного университета*. 2008. № 4-2. С. 36–45. [Dashkovsky P. K. Religious aspect of political culture and ministers of religion of central Asia nomads in Khunnu-Zhuzhan period. *Izvestiya of Altai State University*, 2008, (4-2): 36–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kzyefv>
5. Козлихин И. Ю. Китайская правовая традиция. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2016. № 3. С. 4–13. [Kozlikhin I. Yu. The Chinese legal tradition. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2016, (3): 4–13. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/11701/spbu14.2016.301>
6. Моисеева О. Г., Авилова О. Е. Наказания в китайском праве династии Тан. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2019. № 2. С. 104–106. [Moiseeva O. G., Avilova O. E. Punishments in Chinese law of the Tang Dynasty. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2019, (2): 104–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zashsx>
7. Николаев А. М. Управления морской торговли в средневековом Китае. *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2012. № 3. С. 71–75. [Nikolaev A. M. Departments of maritime affairs in medieval China. *Humanities Research in the Russian Far East*, 2012, (3): 71–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pzzjwd>
8. Мыльникова Ю. С. Важнейшие источники китайского традиционного права X–XIII веков и их характеристика. *Государство и право в XXI веке*. 2015. № 2. С. 20–24. [Mylnikova Yu. S. The most important legal sources of Chinese traditional law in X–XIII centuries and their characteristics. *Gosudarstvo i pravo v XXI veke*, 2015, (2): 20–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/umuksj>
9. Пхунтхасан П. П. «Высшие королевские постановления» в китайской традиции: эволюция жанра и его потенциал для изучения истории буддизма. *Общество: философия, история, культура*. 2025. № 7. С. 121–128. [Phunthasan P. P. "Supreme royal decrees" in the Chinese tradition: Evolution of the genre and its potential for the study of Buddhist history. *Society: Philosophy, History, Culture*, 2025, (7): 121–128. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/fik.2025.7.16>
10. Свистунова Н. П. Глава 18 «разбой и воровство» «законов Великой династии Мин». *Общество и государство в Китае*. 2017. Т. 47. № 2. С. 108–226. [Svistunova N. P. Chapter 18 "Robbery and Thievery" of the "Great Ming Code". *Society and State in China*, 2017, 47(2): 108–226. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yqvpql>
11. Поликарпова Е. В. Трансформация Китайской государственности в новое и новейшее время. *Lex Russica*. 2016. № 2. С. 147–174. [Polikarpova E. V. The transformation of the Chinese state in modern and contemporary times. *Lex Russica*, 2016, (2): 147–174. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.111.2.147-174>
12. Ли Ч. О некоторых важных проблемах Синхайской революции (1911) в Китае. *Россия и АТР*. 2012. № 2. С. 154–161. [Li Ch. On Some major problems of Xinhai revolution in China. *Russia and the Pacific*, 2012, (2): 154–161. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/paayxr>
13. Трошинский П. В. Кодификация гражданского законодательства Китая. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2021. Т. 17. № 2. С. 56–68. [Troshchinskiy P. V. Codification

- of Chinese civil law. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2021, 17(2): 56–68. (In Russ.)] <https://doi.org/10.12737/jflcl.2021.017>
14. Трикоз Е. Н., Швеца А. А. Система источников традиционного японского права. *Общество и право*. 2020. № 1. С. 132–139. [Trikoz E. N., Shvets A. A. The system of sources of traditional Japanese law. *Society and Law*, 2020, (1): 132–139. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mciyhf>
 15. Морозов Ю. В. Тайвань как яблоко раздора во взаимоотношениях КНР и США. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2024. Т. 29. № 29. С. 186–202. [Morozov Yu. V. Taiwan as a "bone of contention" in relations between China and the USA. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, 2024, 29(29): 186–202. (In Russ.)] <https://doi.org/10.48647/ICCA.2024.47.11.013>
 16. Базина О. О. Конституция Китайской Народной Республики 1982 г.: История создания, принятия и внесения поправок. *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право*. 2025. № 1. С. 57–70. [Bazina O. O. The constitution of the People's Republic of China of 1982: History of creation, adoption and amendments. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law*, 2025, (1): 57–70. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uwypua>
 17. Трошинский П. В. Правовая система Китайской Народной Республики: становление, развитие и характерные особенности. *Вестник Университета имени О. Е. Кутафина*. 2015. № 5. С. 99–117. [Troshchinskiy P. V. Legal system of the People's Republic of China: Formation, development and peculiarities. *Courier of the Kutafin Moscow State Law University*, 2015, (5): 99–117. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vclhux>
 18. Саукина Ю. О. Законодательство КНР о паевых совместных предприятиях китайского и иностранного капитала. *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*. 2015. № 2. С. 103–106. [Saukina Yu. O. Law of the PRC on the mutual joint ventures of Chinese and foreign capital. *International Cooperation of Eurasian States: Politics, Economics, Law*, 2015, (2): 103–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uuyvddn>
 19. Попова Е. О. Становление и развитие патентного права Китая. *Вестник науки и образования*. 2015. № 3. С. 135–136. [Popova E. O. Formation and development of China's patent law. *Vestnik nauki i obrazovaniia*, 2015, (3): 135–136. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tsiodr>
 20. Пахомова М. А. Специфика взаимоотношений государства и бизнеса в современном Китае. *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023. Т. 17. № 3. С. 168–178. [Pakhomova M. A. The specifics of the state-business relations in modern China. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*, 2023, 17(3): 168–178. (In Russ.)] <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-168-178>
 21. Кормановский М. В. Характерные особенности современной правовой системы Китайской Народной Республики и причины их возникновения. *E-Scio*. 2021. № 11. С. 668–683. [Kormanovskiy M. V. Characteristic features of the modern legal system of the People's Republic of China and the reasons for their occurrence. *E-Scio*, 2021, (11): 668–683. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/shffjq>
 22. Балакин Д. А., Аликберова А. Р. Особенности Закона о кибербезопасности Китайской Народной Республики 2017 г. и международная реакция на его принятие. *Современные востоковедческие исследования*. 2023. Т. 5. № 2. С. 152–163. [Balakin D. A., Alikberova A. R. Features of the 2017 cybersecurity law of the People's Republic of China and international reaction to its adoption. *Modern oriental studies*, 2023, 5(2): 152–163. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ceiiok>
 23. Гун Н. Защита персональных данных в Китае: законодательство в цифровую эпоху. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. 2023. Т. 14. № 1. С. 159–172. [Gong N. Protection of personal data in China: Legislation in the digital age. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2023, 14(1): 159–172. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu14.2023.110>
 24. Киреева А. А. «Инициатива пояса и пути»: содержание, цели и значение. *Сравнительная политика*. 2018. Т. 9. № 3. С. 61–74. [Kireeva A. A. Belt and road initiative: Overview, objectives and implications. *Comparative Politics*, 2018, 9(3): 61–74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xtkusd>
 25. Виноградов А. О., Данилюк С. А. Эволюция Инициативы «Пояс и путь» (2021–2023). *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2024. Т. 29. № 29. С. 136–153. [Vinogradov A. O., Danilyuk S. A. Present evolution of the belt and road initiative at the present stage (2021–2023). *China in World and Regional Politics. History and Modernity*, 2024, 29(29): 136–153. (In Russ.)] <https://doi.org/10.48647/ICCA.2024.32.87.010>